
93 2/88

2747

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ

и

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПЕРВАГО.

МОСКВА.
1856.

ЗАВѢЩАНІЕ

и

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ

ЖИЗНИ

ИМПЕРАТОРА

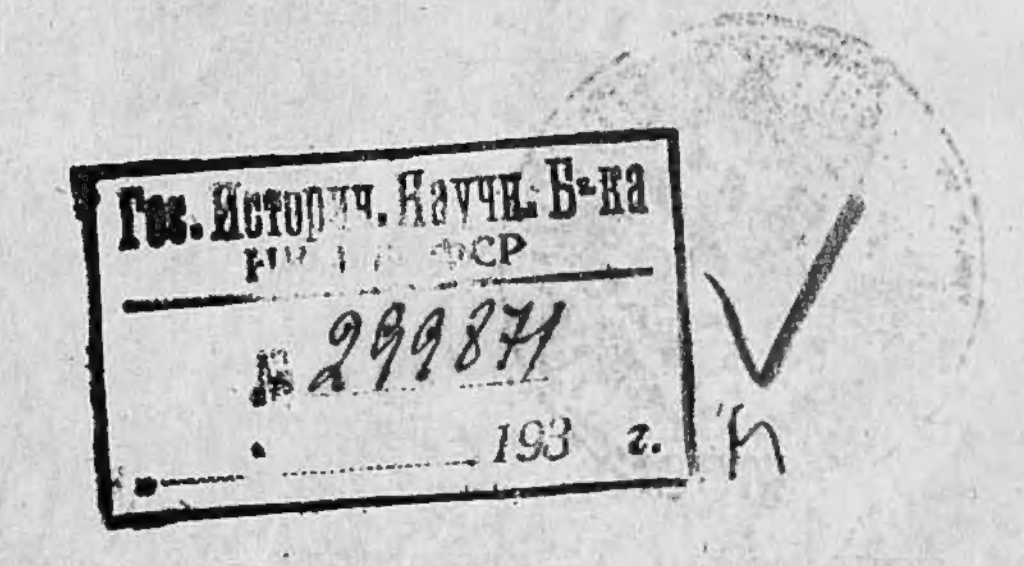
НИКОЛАЯ ПЕРВАГО.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ЕВРЕЙНОВА.
1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 13 Февраля, 1856 года.

Ценсоръ *В. Флеровъ.*

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ

ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО

ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Оно писано, отъ начала до конца, собственною рукою Государя еще въ 1844 году (4-го Мая, въ день Вознесенія, какъ Онъ означилъ въ концѣ акта подъ Своею подписью). Имъ означено также, что сіе завѣщаніе есть черновое, но Онъ *проситъ* все исполнить по сей бумагѣ, если Онъ не успѣетъ переписать ее набѣло.

...Замѣтимъ прежде всего, — между прочимъ и для того, чтобы предупредить, буде сіе возможно, нелѣпые слухи, подобные тѣмъ, которые распространяются иными журналами о мнимомъ, никогда не существовавшемъ политическомъ завѣщаніи Петра Великаго,—что въ

завѣщательномъ актѣ Императора Николая Перваго, актѣ, писанномъ за нѣсколько предъ симъ лѣтъ Самодержцемъ обширнѣйшаго въ мірѣ Государства, въ полной крѣпости мужества, среди обстоятельствъ самыхъ благопріятныхъ даже и для видовъ честолюбія, если бы Онъ имѣлъ ихъ, нѣтъ ни одной статьи, ни одного слова, относящагося къ политикѣ, не только внѣшней, но и внутренней: Онъ зналъ, что всякое указаніе сего рода, сдѣланное Государемъ и Отцомъ, могло бы до нѣкоторой степени стѣснить или затруднить дѣйствія Преемника Престола Его при какой-либо внезапной перемѣнѣ обстоятельствъ; Онъ зналъ также и правила и сердце сего Преемника, и не сомнѣвался, что все будетъ сдѣлано Имъ во благо Россіи, какъ бы Онъ сдѣлалъ Самъ на Его мѣстѣ и въ Его положеніи. Сіе завѣщаніе, за исключеніемъ нѣсколькихъ распоряженій о собственномъ личномъ имуществѣ Императора, есть, можно сказать, тайная бесѣда души Его съ Собою, изліяніе Его мыслей и чувствованій, какъ человѣка и Христіанина. Онъ даже не хотѣлъ наименовать сего акта Своею *послѣднею волею*, какъ бы не дозволяя Себѣ повелѣвать изъ-за-гроба, и далъ ему названіе болѣе скромное, доже смиренное: *Своихъ послѣднихъ желаній*.

Первыя статьи завѣщанія посвящены распредѣленію между Членами Августѣйшей Семьи, личнаго имущества Императора, дворцовъ, дачь, деревень, капиталовъ и разныхъ вещей. Съ сожалѣніемъ опуская эти подробности, заимствуемъ слѣдующее:

...Но и посреди сихъ, семейныхъ, можно сказать, хозяйственныхъ распоряженій, мы встрѣчаемъ движенія, и какъ бы порывы чувства попечительной, нѣжной внимательности Государя и къ бѣднымъ, получавшимъ отъ Него пособія, и къ ближней комнатной и прочей прислугѣ Его, и къ жившимъ у Него *старикамъ-инвалидамъ*. Сказавъ въ статьѣ 11-й, что весь наличный Его капиталъ, подъ разными наименованіями хранимый въ вѣденіи Собственной Его Величества Конторы, долженъ быть раздѣленъ *поровну* между тремя Великими Княгинями Маріею, Ольгою и Александрою Николаевнами, Онъ тотчасъ присовокупляетъ: «Но «какъ на проценты сего капитала платились «многіе пенсіоны, то *прошу* таковые принять «на Государственное Казначейство, или на Ка«бинетъ, какъ ИМПЕРАТОРУ угодно будетъ«(*)»;

(*) О сихъ капиталахъ въ той же 11-й статьѣ Государь постановляетъ, что они должны оставаться всегда въ Россіи; что Великія Княгини могутъ только пользоваться процентами съ оныхъ, развѣ пожелаютъ на капиталы Свои пріобрѣсти въ *Россіи же* недвижимую собственность.

въ слѣдующей, 12-й статьѣ: Желаю, чтобъ «всей Моей *комнатной прислугѣ*, вѣрно и усер«дно Мнѣ служившей, обращены были ихъ со«держанія въ пенсіоны. Къ сей же прислугѣ «причитаю Лейбъ-Рейткнехтовъ и кучера Мое«го Якова»; а въ ст. 15-й: «Прошу ИМПЕРА«ТОРА милостиво призрѣть стариковъ-инвали«довъ, у Меня жившихъ по разнымъ мѣстамъ «подъ названіемъ Арсенальныхъ. Желаю, чтобъ «они доживали свой вѣкъ на прежнемъ поло«женіи, развѣ угодно Ему будетъ улучшить «ихъ содержаніе.»

Статья 14-я особенно замѣчательна трогательнымъ выраженіемъ чувства долговременной дружбы. Императоръ говоритъ о товарищахъ первыхъ лѣтъ Своихъ языкомъ сердца, и въ словахъ Его какъ будто исчезаетъ всякое разстояніе между Государемъ и подданными.—Съ «Моего дѣтства два лица были Мнѣ друзьями «и товарищами; дружба ихъ ко мнѣ никогда не «измѣнялась. Генералъ-Адъютанта Адлерберга «любилъ Я какъ роднаго брата и надѣюсь по «конецъ жизни имѣть въ немъ неизмѣннаго и «правдиваго друга. Сестра его Юлія Ѳедоровна «Баранова воспитала трехъ Моихъ дочерей, какъ «добрая и рачительная родная. Обоимъ имъ «прошу назначить въ Мою память пенсіоны, «сверхъ получаемыхъ, по 15,000 руб. сер. Въ

«послѣдній разъ благодарю ихъ за братскую «любовь.»

Въ слѣдующихъ статьяхъ (16 и 17), Государь, изъявляя благоволеніе и признательность всѣмъ бывшимъ при воспитаніи Великихъ Князей и Великихъ Княгинь, Дѣтей Его, завѣщая любить и уважать ихъ и предоставляя Наслѣднику Престола упрочить ихъ благосостояніе, благодарить и бывшаго въ то время Духовникомъ Его, отца Музовскаго, и Лейбъ-Медиковъ: Арендта, Маркуса, Мандта и Рейнгольта, за ихъ труды и попеченіе, *благодарить душевно*,— таковы собственныя слова Его Императорскаго Величества,—тѣхъ, которые имѣли счастіе служить Ему и быть къ Нему болѣе или менѣе близкими по своему званію и Его довѣренности, именуя въ особенныхъ пунктахъ (ст. 18—22-я) Князя Петра Михайловича Волконскаго, «который, не смотря на преклонныя лѣта, съ «неизмѣннымъ усердіемъ и привязанностію «пекся, какъ обо Мнѣ, такъ и обо всемъ Моемъ Семействѣ и о Моихъ собственныхъ дѣ«лахъ«; Князя Илларіона Васильевича Васильчикова, о коемъ Онъ говоритъ: «Я началъ служ«бу подъ его начальствомъ, онъ былъ Мнѣ «всегда другомъ, наставникомъ и въ послѣд«ствіи первымъ помощникомъ въ Государствен«ныхъ дѣлахъ»; и: «Генералъ-Фельдмаршала

«Князя Варшавскаго , какъ за его искреннюю «привязанность и дружбу, такъ и за геройскіе «подвиги, коими онъ возвеличилъ славу Наше«го оружія и попралъ измѣну.»—Благодарю Гр. «Бенкендорфа и Гр. Орлова за неизмѣнную «ихъ дружбу и почти безотлучное при Мнѣ «нахожденіе и труды, и усердіе, съ которымъ «выполняли все на нихъ возлагавшееся.—Бла. «годарю Кн. Чернышева, Кн. Меншикова, Гр. «Нессельрода, Гр. Канкрина, Гр. Блудова, Гр «Киселева, за ихъ вѣрную службу, столь по«лезную Государству.»

...О старшей Сестрѣ Своей, Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ, Онъ говоритъ: «Я питалъ «къ Ней съ дѣтства особую привязанность за «всегдашнія Ея ко Мнѣ милости. Позднѣе, Ея «дружба для Меня сдѣлалась еще драгоцѣннѣе, «и ни къ кому на свѣтѣ не имѣлъ Я толикаго «довѣрія; Я чтилъ Ее, какъ *Мать*, и Ей испо«вѣдывалъ всю истину изъ глубины Моей ду«ши. Здѣсь, въ послѣдній разъ повторяю Ей «Мою душевную благодарность за отрадныя ми«нуты, которыя проводилъ въ Ея бесѣдѣ»; а о Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ, который предназначался Имъ въ семъ завѣщаніи Душеприкащикомъ Его вмѣстѣ съ Царствующимъ ИМПЕРАТОРОМЪ и съ Генералъ-Адъютантами Княземъ Волконскимъ и Графомъ Адлер-

бергомъ,»—«ГОСУДАРЮ и всему Семейству Моему завѣщаю любить и уважать Брата Моего «и вѣрнаго друга «Михаила Павловича; Онъ «Имъ живой примѣръ, какъ Имъ Брату служить должно. При семъ случаѣ душевно благодарю Михаила Павловича за Его братскую «любовь и всегдашнія услуги: прошу Его не «оставлять добрыми совѣтами Моихъ дѣтей, которыхъ поручаю Его благорасположенію.»

Онъ также завѣщаетъ, или, по слову Его, *заклинаетъ* Дѣтей и Внуковъ: «любить и чтить «Своего ГОСУДАРЯ отъ всей души, служить «Ему вѣрно, неутомимо, безропотно, до послѣдней капли крови, до послѣдняго издыханія, «и помнить, что Имъ надлежитъ примѣромъ «быть другимъ, какъ служить должно вѣрноподданнымъ, изъ которыхъ они первые.» (ст. 26.)

«Я увѣренъ. продолжаетъ Государь (ст. 27). «что сынъ Мой, ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ «НИКОЛАЕВИЧЬ, будетъ всегда почтительнымъ, нѣжнымъ Сыномъ, какимъ всегда умѣлъ «быть съ Нами; долгъ этотъ еще священнѣе «съ тѣхъ поръ, когда Мать Его одна! Въ Его «любви и нѣжной привязанности, также и «всѣхъ Дѣтей и Внучатъ Она должна обрѣсти «утѣшеніе въ Своемъ одиночествѣ. Въ обхожденіи съ братьями Своими, Сынъ Мой долженъ

«умѣть соединять снисходительность къ ихъ мо-«лодости съ необходимою твердостію, какъ «*отецъ семейства*, и никогда не терпѣть ни се-«мейныхъ ссоръ, ни чего-либо могущаго быть «вреднымъ *пользѣ службы*, тѣмъ паче Государ-«ства, и въ подобныхъ случаяхъ, отъ чего Бо-«же насъ сохрани, помнить напстрожайше, что «Онъ ГОСУДАРЬ, а всѣ прочіе Члены Семей-«ства—подданные.»

...«Благодарю, говоритъ Государь (ст. 31) «всѣхъ Меня любившихъ, всѣхъ Мнѣ служив-«шихъ. Прощаю всѣхъ, Меня ненавидѣвшихъ.»

«Прошу (ст. 32) всѣхъ, кого могъ неумыш-«ленно огорчить, Меня простить. «Я былъ че-«ловѣкъ со всѣми слабостями, коимъ люди под-«вержены; старался исправиться въ томъ, что «за Собой худаго зналъ. Въ иномъ успѣвалъ, «въ другомъ нѣтъ; прошу искренно Меня про-«стить.»

«Я умираю (ст. 33) съ благодарнымъ серд-«цемъ за все благо, которымъ Богу угодно бы-«ло на семъ преходящемъ мірѣ Меня награ-«дить; *съ пламенною любовію къ нашей славной* «*Россіи*, которой служилъ по крайнему Моему «разумѣнію вѣрой и правдой; жалѣю, что не «могъ произвести того добра, котораго столь «искренно желалъ. Сынъ Мой Меня замѣнитъ. «Буду молить Бога, да благословитъ Его на

«тяжкое поприще, на которое вступаетъ, и «сподобитъ Его утвердить Россію на твердомъ «основаніи страха Божія, давъ ей довершить «внутреннее ея устройство, и отдаля всякую «опасность извнѣ. —*На тя, Господи, уповахомъ: «да непостыдимся во вѣки!»*

«Прошу (ст. 34 и послѣдняя) всѣхъ Меня «любившихъ молиться объ успокоеніи души «Моей, которую отдаю Милосердому Богу, съ «твердой надеждой на Его благость и преда«ваясь съ покорностію Его волѣ.—Аминь.»

Сверхъ сего къ завѣщанію, или, по выраженію Государя, *къ изъявленію Его послѣднихъ желаній,* приложена особая, составленная уже въ 1845 году (*) статья.

Выписываемъ ее отъ начала до конца:

«29-го Іюля 1844 года, Богу угодно было отозвать къ Себѣ любезнѣйшую Дочь Нашу Александру. Смиряясь предъ неисповѣдимой волей, не ропща сносимъ жестокій сей ударъ, съ твердымъ упованіемъ, что ежели *такъ* сбылось по волѣ Его, то сбылось *къ лучшему*, и что Ей при Создателѣ Ея отраднѣе, чѣмъ здѣсь въ суетахъ жизни. «Молимъ Господа, да сохранитъ Намъ другихъ намъ милыхъ.»

«Назначавшійся 11-ю статьею къ дѣлежу между-трехъ моихъ дочерей наличный соб-

(*) 3-го Марта.

ственный капиталъ раздѣлить нынѣ Дочерямъ Моимъ—Маріи и Ольгѣ поровну.

«Вещи, предназначавшіяся Дочери Моей Александрѣ, оставляю Сыну АЛЕКСАНДРУ къ распредѣленію по Его усмотрѣнію. — Медальонъ и печать, которые покойная Дочь мнѣ подарила на одрѣ смерти,—завѣщаю Женѣ Моей, а послѣ Ея Сыну АЛЕКСАНДРУ.»

«Портретъ Дочери Александры, что у Меня на столѣ, госпиталю, строящемуся въ Ея память.»

Читая сіе трогательное приложеніе къ завѣщанію и самый завѣщательный актъ, мы вспоминали сказанное краснорѣчивѣйшимъ изъ нашихъ Историковъ о дошедшей до насъ духовной одного изъ Великихъ Государей древней Россіи. «Безъ сего завѣщанія, говоритъ Карамзинъ, мы не знали бы всей прекрасной души Мономаха.» Такъ конечно и нынѣ, даже тѣ, которые внимательно и безпристрастно слѣдили за всѣми дѣлами Императора Николая въ продолженіе 30-ти-лѣтняго славнаго Царствованія, и тѣ, коимъ была извѣстна Его примѣрная, назидательная и для частныхъ людей, семейная жизнь, могутъ еще, по прочтеніи нашего неискуснаго, но вѣрнаго и полнаго извлеченія изъ Его завѣщанія, научиться лучше

цѣнить прекрасныя качества великой души Его, твердой и нѣжной.

Таково было на насъ самихъ дѣйствіе сей, какъ мы ее назвали, тайной бесѣды Его съ Собою, и намъ какъ будто слышались сходящія свыше слова Спасителя:

«Блажении чистіи сердцемъ: яко тіи Бога узрятъ.» (Евр. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 8).

27-го Января Государь Императоръ заболѣлъ гриппомъ, но продолжалъ по обыкновенію неутомимо заниматься Государственными дѣлами. Чрезъ нѣсколько дней, именно 9-го Февраля, чувствуя Себя лучше, вопреки совѣта пользовавшихъ Его Врачей, Лейбъ-Медика Мандта и Доктора Карелля, изволилъ, послѣ Преждеосвященной обѣдни, выѣхать въ Экзерциргаузъ Инженернаго замка, для осмотра маршевыхъ батальоновъ Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго и Егерскаго полковъ.—Ваше Величество, сказалъ Докторъ Карелль, нѣтъ ни одного медика въ Вашей арміи, который позволилъ бы рядовому выписаться изъ госпиталя въ такомъ положеніи, въ какомъ Вы находитесь и при такомъ морозѣ (22 градуса); мой долгъ требовать, чтобы Вы не выходили еще изъ комнаты.—«Ты исполнилъ свой долгъ,» отвѣчалъ Государь;

«позволь-же Мнѣ исполнить Мой.» Въ часъ по полудни Государь отправился въ Экзерциргаузъ, не взявъ даже предосторожности (не смотря на убѣжденіе Государя Цесаревича и просьбы близкой Своей прислуги) одѣться потеплѣе обыкновеннаго. Послѣ смотра заѣзжалъ къ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, а отъ Нея къ бывшему тогда больнымъ Военному Министру; возвратясь же, почувствовалъ Себя хуже, чѣмъ наканунѣ. Кашель и одышка, уже и въ предшествовавшіе дни иногда появлявшіеся, увеличились. Ночь Его Величество провелъ безъ сна; однако на другой день, 10-го числа, изволилъ опять выѣхать въ тотъ же Экзерциргаузъ для осмотра маршевыхъ батальоновъ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго резервныхъ полковъ и людей Лейбъ-Гвардіи Сапернаго резервнаго полубатальона. Съ этого дня всѣ болѣзненные припадки начали усиливаться; Государь уже не выходилъ изъ комнаты. 11-го числа, хотя намѣревался еще быть у Преждеосвященной обѣдни, но не могъ, и слегъ въ постель. Вечеромъ болѣзнь оказалась очевидно тяжкою и признаки опасности жизни начали развиваться съ неимовѣрною быстротою (*). Не смотря на болѣзненное Свое по-

(*) Когда и прежде покойному Императору случалось забо-

ложеніе, Государь не покидалъ занятій Государственными дѣлами, и только 12-го числа, по настоянію врачей, рѣшился предоставить трудъ сей Цесаревичу.

17-го Февраля опасность сдѣлалась столь велика и очевидна, что бывшіе при Государѣ Медики рѣшились сказать о ней Наслѣднику Престола. Однако-жь одинъ изъ докторовъ еще не переставалъ надѣяться. Лишь къ вечеру того дня исчезъ и сей послѣдній лучь надежды, и пораженный ужаснымъ извѣстіемъ Цесаревичь рѣшился объявить о немъ Августѣйшей Своей Матери. Съ сердцемъ, растерзаннымъ скорбію, по собственнымъ словамъ Ея, *ни съ чемъ несравненною*, Императрица имѣла силу вспомнить обязанность Христіанской супруги съ твердостію, которую даетъ одна только вѣра, пошла исполнить ее при одрѣ умирающаго (*).

лѣвать, Онъ не соглашался на изданіе бюллетеней, чтобы не потревожить публики. Такъ и нынѣ, за три дня до кончины, Онъ изволилъ сказать Цесаревичу: «Надѣюсь, что не обезпокоили публики бюллетенями о Моей болѣзни.»

(*) Она неоднократно говорила, что удивляется малодушію тѣхъ, которые, боясь испугать больнаго на нѣсколько краткихъ минутъ въ сей жизни, лишаютъ его утѣшенія, чрезъ Причащеніе Святыхъ Таинъ, получить напутствіе къ жизни вѣчной.

Государь не ожидалъ Императрицы. Она склонилась къ Его изголовью и со свойственною Ей кроткою нѣжностію тихо сказала: «Другъ мой, Ты не могъ окончить начатаго «Тобою говѣнья и пріобщиться, какъ всегда «бывало, Св. Таинъ вмѣстѣ съ Нами. Почему «бы не исполнить этого теперь? Ты знаешь, «что для Христіанина нѣтъ лекарства лучше, «и многіе страждущіе получили облегченіе отъ «принятія Св. Таинъ.»

«Какъ! въ постелѣ?» быстро возразилъ Государь: — «невозможно! Я радъ и желаю испол-«нить эту обязанность, но когда буду на но-«гахъ, когда Богъ дастъ Мнѣ облегченіе. Лежа «и неодѣтый, могу ли приступить къ такому «великому дѣлу?» Столь глубоко было Его благоговѣніе къ Святынѣ! Императрица умолкла въ слезахъ: силы души Ея истощились. «Развѣ Я въ такой опасности?» спросилъ Государь, и мгновенно остановился, чтобы симъ вопросомъ не устрашить Супругу. Такъ нѣжно Они берегли другъ друга! Знаки и, такъ сказать, изліянія сей супружеской нѣжности, услаждавшія все продолженіе Ихъ счастливаго брачнаго союза, были тѣ же и въ самое послѣднее ремя. После уже принятія Императоромъ Св. Таинъ, Императрица говорила, обнимая умирающаго: «Любишь ли Ты Меня, какъ преж-

де.» «Люблю ли?» отвѣчалъ Онъ: «могу ли Я «не любить Тебя? Когда Мы впервые увидѣ«лись, сердце Мое сказало Мнѣ: Вотъ Твой «Ангелъ-Хранитель на всю жизнь. И пророче«ство сердца сбылось...»

«Ты плачешь?» спросилъ Государь. «Нѣтъ,» отвѣчала Императрица, Которая Сама не чувствовала слезъ Своихъ, и предложила помочь Ему молиться; ибо въ изнеможеніи силъ Онъ не могъ свободно и вполнѣ владѣть Своими мыслями. Она начала въ полголоса читать молитву, прекраснѣйшую изъ всѣхъ молитвъ, данную намъ на землѣ Самимъ Пострадавшимъ за насъ Искупителемъ. Готовый предстать предъ Него, Государь слѣдовалъ молча за каждымъ словомъ, и когда Императрица сказала: «да будетъ воля Твоя,» прибавилъ твердымъ голосомъ: «да! во всемъ и всегда.»

Въ два часа ночи, Лейбъ-Медикъ, котораго покойный Государь удостоивалъ особенной довѣренности, потерялъ надежду даже и на кратковременное продолженіе жизни больнаго; возбужденный, хотя съ тѣмъ вмѣстѣ и устрашенный великостію предстоявшей ему печальной обязанности, о коей нѣкто изъ преданныхъ Императору напоминалъ ему въ сію минуту частнымъ, на-скоро, въ смятеніи горести начертаннымъ письмомъ, рѣшился объявить всю

истину Самому умирающему. Сердце его сжалось, когда онъ вошелъ въ послѣдній разъ въ скромный, тѣсный кабинетъ, бывшій въ то время и спальнею Повелителя полсвѣта. Съ чего начать разговоръ? какъ произнести роковое слово? Онъ зналъ твердость души Государя; но зналъ также, что Государь не считаетъ Себя въ опасности, не думаетъ чтобы смерть была такъ близка, хотя Онъ, какъ Христіанинъ, старался всегда быть къ ней готовымъ. Лейбъ-Медику хотѣлось, чтобы мысль о Причащеніи Св. Таинъ сама собою родилась въ умѣ Государя. Онъ сталъ говорить Ему о своей встрѣчѣ съ Духовникомъ Его Величества, *хорошимъ старымъ его знакомымъ* (*). «Да! онъ почтенный человѣкъ и добрый, сказалъ Государь. «Когда вы съ нимъ познакомились?»—«Въ обстоятельствахъ прискорбныхъ, отвѣчалъ Докторъ: въ послѣднюю болѣзнь Великой Княгини Александры Николаевны. Мы вчера вспоминали о семъ времени и съ Государынею Императрицею. Какъ бы Она желала, чтобъ Вы дозволили Ей помолиться у Вашей постели вмѣстѣ съ Духовникомъ Вашимъ о скорѣйшемъ возвращеніи Вамъ здоровья!» Въ эту минуту

(*) Оберъ-Священникомъ, Протопресвитеромъ, В. Б. Бажановымъ.

Государь вдругъ все понялъ. Онъ устремилъ на медика выразительный, но ясный взоръ, и обыкновеннымъ Своимъ голосомъ сдѣлалъ какъ бы простой вопросъ: «Скажите, что же?— умираю ли Я?» На сихъ послѣднихъ словахъ Онъ еще возвысилъ голосъ. Долго Медикъ былъ не въ состояніи отвѣчать. Наконецъ, съ трепетомъ сердца, почти задыхаясь отъ удерживаемыхъ имъ слезъ, онъ произнесъ страшное слово. Спокойствіе было на лицѣ и въ душѣ Государя. Докторъ держалъ Его руку: ни одна жилка въ ней не дрогнула; ни на одинъ ударъ не ускорилось біеніе пульса. Въ первый разъ, съ самаго начала болѣзни, Ему представилась мысль о неизбѣжной близкой кончинѣ, и уже въ свѣтлыхъ, тихихъ взорахъ Его изображалось состояніе души, свергающей съ себя все бремя печалей, заботъ, суетъ земнаго міра. Не было и вида какого-либо усилія въ бореніи съ привязанностію къ жизни. Прошло пять или шесть минутъ въ безмолвіи. Государь поднялъ глаза вверхъ, какъ будто къ небу, и потомъ столь же спокойно, съ такою же простотою сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ. — «Что вы нашли во Мнѣ своимъ стетоскопомъ? Каверны?»—Нѣтъ отвѣчалъ Лейбъ-Медикъ, но начала паралича въ лёгкихъ.—«И у васъ» достало духу такъ рѣшительно объявить Мнѣ Мой

смертный приговоръ?»—Государь, я имѣлъ многія къ тому причины. Первая и главная есть та—что я симъ исполняю данное Вамъ обѣщаніе. За полтора предъ симъ года, Вы говорили мнѣ: Требую, чтобы вы сказали Мнѣ *всю правду* и *во-время*, когда представится надобность. Къ несчастію, сія надобность представилась нынѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ я исполняю и другую священную обязанность къ Монарху и Отцу Семейства. Предъ Вами еще нѣсколько часовъ жизни: Вы въ полной памяти; знаете, что теперь уже нѣтъ никакой надежды и конечно захотите воспользоваться сими часами для послѣдней бесѣды съ Наслѣдникомъ Вашего Престола. Наконецъ я объявилъ Вамъ правду, всю правду, и потому, что *знаю Васъ* и люблю.—Государь слушалъ съ вниманіемъ совершенно спокойнымъ. Докторъ не могъ уже удерживать слезъ своихъ. Государь замѣтилъ это, подалъ ему руку и сказалъ: «Благодарю.»

Отпустивъ Доктора, Государь позвалъ Наслѣдника, и спокойно сообщивъ Ему о безнадежности Своего положенія, примолвилъ: «Надѣюсь, что Ты еще ничего не сказалъ и не скажешь Матушкѣ; прикажи позвать Духовника.» Протопресвитеръ Бажановъ находился уже во Дворцѣ.— Тутъ вошла Императрица. Когда Духовникъ началъ читать предшествующія

исповѣди молитвы, Государь благословлялъ стоявшихъ у постели Его на колѣняхъ Императрицу и Цесаревича. За симъ Они вышли. По окончаніи исповѣди, Государь, перекрестившись, произнесъ: «Молю Господа, чтобы Онъ принялъ Меня въ Свои объятія.» — Священный обрядъ Причащенія, совершенный, по желанію Его Величества, въ присутствіи Императрицы и Цесаревича, исполнилъ Онъ съ полнымъ самосознаніемъ, съ умилительнымъ благоговѣніемъ и необыкновеннымъ спокойствіемъ; молитву же: *Вѣрую, Господи и исповѣдую*, прочиталъ отъ начала до конца довольно твердымъ голосомъ.

Воздавъ *Божіе Богови*, нашъ Кесарь обратился на нѣсколько мгновеній къ дѣламъ земнаго Своего Царства; приказалъ дать знать по телеграфу въ Москву, Варшаву, Кіевъ, что *ИМПЕРАТОРЪ умираетъ*, какъ будто говоря уже не отъ Своего имени, и прибавилъ: *прощается съ Москвою.*

Къ смертному Его одру стеклись всѣ находившіеся въ С.-Петербургѣ Члены Царственнаго Дома, даже младенцы, Дѣти Дѣтей Его. Онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ благословить *всѣхъ*, и отсутствующихъ; никто не былъ забытъ Имъ: всякому сказалъ Онъ одно изъ тѣхъ словъ, которыя впечатлѣваются въ сердца на вѣки. Будущему Наслѣднику Престола Онъ говорилъ:

«служи Россіи.» — Младшаго Великаго Князя Алексѣя Александровича принесли позднѣе другихъ; Онъ былъ блѣденъ отъ испуга; но и Его скоро успокоилъ Своими отеческими ласками Тотъ, который въ сіи торжественные часы былъ все для всѣхъ. Онъ какъ будто примѣнялся ко всѣмъ различнымъ возрастамъ, даже шутилъ съ Дѣтьми Великой Княгини Маріи Николаевны, называя ихъ полуименами, но внушая также имъ, чтобы они служили Россіи. Когда вошла Великая Княгиня Елена Павловна, Онъ съ неизмѣняющимся видомъ яснаго спокойствія сказалъ Ей, какъ будто при обыкновенномъ посѣщеніи: «благодарю», и потомъ, можетъ быть, воспоминая о потерянномъ Ею Супругѣ, прибавилъ: «теперь и мнѣ пришло время. Скажите Мой сердечный поклонъ «Катѣ (Великой Княгинѣ Екатеринѣ Михаиловнѣ), Ей и Ему (Герцогу Георгію Мекленбургъ-«Стрелицкому), имъ обоимъ.»

...Главнѣйшее нѣжное вниманіе Его было обращено къ Той, Которая прошла съ Нимъ руку въ руку все поприще жизни и Царства. Ее поручалъ Онъ общей любви; Ее предназначалъ средоточіемъ для единства всего Августѣйшаго Дома. Когда, вѣроятно противъ воли, исторглись изъ груди Ея слова: «За чѣмъ не могу Я умереть съ Тобою!» — Онъ на сей вопль

сокрушеннаго горестію сердца отвѣчалъ указывая на Дѣтей: «Ты должна жить для Нихъ», а Имъ, указывая на Императрицу, говорилъ: живите всегда, какъ нынѣ, въ тѣсномъ союзѣ любви семейной.» Государь, мы уже сказали, хотѣлъ благословить и отсутствующихъ Дѣтей Своихъ. При имени каждаго Онъ поднималъ исхудавшую руку и заочно, чрезъ дальнія разстоянія, осѣнялъ ихъ знаменіемъ крестнымъ; сіе благословѣніе умирающаго съ такими чувствами, конечно, доходило до нихъ. Великая Княгиня Ольга Николаевна, пораженная извѣстіемъ объ опасной болѣзни Родителя, думала отправиться немедленно въ путь, и съ трудомъ, по убѣжденіямъ Кронъ-Принца, Супруга Ея, согласилась на кратковременное предъ дорогою отдохновеніе. Но едва Она успѣла закрыть глаза и впасть въ легкую дремоту, какъ Ей представился обожаемый Отецъ, на одрѣ страданій и смерти, подымающій руку, благословляющій Ее предъ кончиною.

Государь продолжалъ жить еще нѣсколько часовъ; но сохраняя въ изнеможенномъ тѣлѣ все присутствіе ума, всю твердость духа, Онъ жилъ, то-есть мыслилъ и чуствовалъ уже какъ тѣ, которые покоются на лонѣ Вышняго. Пріѣхалъ курьеръ изъ арміи съ извѣстіями и письмами отъ Великихъ Князей Николая и Михаи-

ла Николаевичей. «Здоровы ли Они?» — спросилъ Императоръ: «все прочее теперь «не касается Меня Я весь въ Богѣ.»

...Благословивъ Супругу, Дѣтей и Внуковъ, Онъ призвалъ бывшихъ во Дворцѣ: Генералъ-Адъютанта Графа Орлова, и Министровъ: Двора и Военнаго; благодарилъ ихъ за службу и поручилъ Наслѣднику Своему благодарить отъ Его Имени всѣхъ другихъ Министровъ, Гвардію, Армію, Флотъ и въ особенности геройскихъ защитниковъ Севастополя (*). Онъ не забылъ и ближнюю прислугу Свою и посѣдѣвшихъ подъ оружіемъ Дворцовыхъ Гренадеровъ; всѣхъ благословилъ, всякому сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ. Потомъ съ улыбкою спросилъ доктора: «Скоро ли вы дадите Мнѣ *отставку*? Скоро ли все будетъ кончено?» — «Не такъ еще скоро, отвѣчалъ медикъ. — Не лишусь ли Я памяти?» — Надѣюсь, Ваше Величество, что все будетъ тихо и спокойно.—Государь всегда съ непріятнымъ чувствомъ думалъ о потерѣ внутренняго сознанія.

При послѣднемъ въ жизни лобзаніи, Онъ еще говорилъ Преемнику Своего Престола:

(*) Сію волю Родителя Царствующій ИМПЕРАТОРЪ исполнилъ на другой же день, предъ прочтеніемъ Манифеста о Восшествіи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на Прародительскій Престолъ, и принесеніемъ присяги на вѣрность.

«Мнѣ хотѣлось, принявъ на Себя все трудное, «все тяжкое, оставить Тебѣ Царство мирное, «устроенное и счастливое. «Провидѣніе судило «иначе. Теперь иду молиться за Россію и за «Васъ. Послѣ Россіи, Я Васъ любилъ болѣе «всего на свѣтѣ.»

Умирающій Государь находился въ полной еще памяти, когда Духовникъ приступилъ къ чтенію Отходной, и изволилъ повторять за нимъ молитвы, хотя слабымъ уже голосомъ, но покойно. Вскорѣ голосъ Его пресѣкся. Онъ знаками подозвалъ къ Себѣ Духовника, пожалъ ему руку, поцѣловалъ наперстный его крестъ, и не въ силахъ уже будучи произнести ни одного слова, движеніями руки и глазъ показывалъ на Императрицу, на Наслѣдника, какъ бы желая сказать, чтобы онъ за Нихъ молился. До послѣднихъ минутъ жизни не покидалъ Онъ руки Императрицы и Наслѣдника, и крѣпко жалъ ихъ.

Въ двадцать минутъ перваго часа пополудни не стало Государя, почти тридцать лѣтъ украшавшаго Престолъ Россійскій, обладавшаго въ высшей степени чувствомъ священнаго Своего долга, и неусыпно, съ полнымъ самоотверженіемъ трудившагося для блага Отечества.

27-е ФЕВРАЛЯ.

Въ торжественную минуту, когда десница Господа отяготѣла надъ Царскою Семьею, когда Неисповѣдимому и Святому Промыслу Его угодно было лишить міръ Великаго и Достойнѣйшаго изъ Вѣнценосцевъ а многочисленный и вѣрный народъ — преждевременно скончавшагося Державнаго Пастыря; когда Августѣйшее Семейство и весь великій народъ объяты одною глубокою скорбію,—въ эту торжественную минуту Престолъ оплакиваемаго Государя и Монархическое начало, которое Онъ представляетъ, озаряются новымъ, какимъ-то таинственнымъ блескомъ. Яснѣе кажутся теперь ихъ сила и величіе, ихъ благодѣтельное и могущественное вліяніе, и разумъ, на мгновеніе ослабѣвшій подъ бременемъ общаго несчастія, благословляетъ Божественный Промыслъ и, въ самыхъ путяхъ Его, видя прославленіе переселившагося въ вѣчную жизнь Государя, въ Немъ находитъ себѣ успокоеніе и опору.

Съ этими мыслями, печальный и грустный, какъ окружавшій меня народъ, ожидалъ я на Дворцовой площади отправленія печальнаго шествія съ священными останками Благочестивѣйшаго и Великаго Государя въ соборную церковь Свв. Ап. Петра и Павла. Небо было чисто и

облито свѣтомъ. Казалось, оно желало съ особенною торжественностію озарить послѣднія почести Тому, Кому при жизни озаряло столько славныхъ дней. Огромная площадь была полна народу: онъ былъ величаво спокоенъ и погруженъ въ думу. Только по временамъ быстрое волненіе пробѣгало въ толпѣ, какъ будто невѣдомый вѣтръ колебалъ ее. Но не было надобности сдерживать эти порывы. Народъ слишкомъ глубоко и близко къ сердцу чувствовалъ свое горе, чтобы не черпать въ немъ спокойствія. Какъ бы присутствуя при смертномъ одрѣ Покойнаго, онъ говорилъ шепотомъ. Онъ говорилъ о внезапной болѣзни и кончинѣ своего свято-чтимаго Государя, вспоминалъ Его достоинства и доблести и особенно Его геройское мужество въ трудныя обстоятельства Его жизни. Онъ говорилъ о христіанскомъ самоотверженіи Его въ послѣдней брани, подъятой Имъ за Вѣру,—священной брани, въ которой Онъ выказалъ столько непоколебимаго и прямаго мужества, столько несокрушимой силы и покорности души!

Странна природа человѣка: пока Государь еще полонъ жизни, въ глазахъ Его народа кажется, что Онъ никогда не умретъ. Всѣ такъ привыкли видѣть въ Немъ опору, что стали считать ее вѣчною: непреложные законы, безжа-

лостная смерть забыты всѣми... Но когда ужасный ударъ разразится надъ народомъ, отчаяніе овладѣваетъ всѣми. Съ изумленіемъ открываютъ въ Покойномъ блестящія качества, мало по малу сглаживающіяся для взора отъ привычки видѣть ихъ каждый день, но въ эту страшную минуту вдругъ оживающія въ сознаніи во всемъ ихъ блескѣ. Тогда труды, старанія, заботы этого Государя, Его великія мысли, безсонныя ночи и тягостные дни, Его правосудіе, попеченія, любовь ко всѣмъ, могущественная сила Его сердца, вдохновлявшая мужество въ другихъ, великій духъ Его, стоявшій всегда на стражѣ Государства—все это проходитъ передъ изумленными очами. Измѣривъ это чудесное и обширное поприще, тогда лишь спрашиваютъ себя: столько трудовъ и благихъ намѣреній, столько усовершенствованій, уже выполненныхъ или созрѣвшихъ въ мысли, столько помысловъ и святой, страстной преданности державному долгу, такая неутомимая дѣятельность и ревность,—не они ли разстроили въ основаніи драгоцѣнную жизнь Монарха и сократили Его дни, полные суровыхъ трудовъ и лишеній? Тогда лишь въ дѣятельномъ, великодушномъ, правдивомъ и преданномъ долгу Государѣ открываютъ героя, избранника сердцемъ, великаго мужа.

Обо всемъ этомъ печально бесѣдовалъ между собою народъ, и въ то время, когда колокола всѣхъ церквей оглашали воздухъ своимъ скорбнымъ рокотомъ и надъ вершиною ИМПЕРАТОРСКАГО жилища рѣялъ обвитый крепомъ Русскій орелъ; когда балконы и окна улицъ, которыми должно было проходить печальное шествіе, покрывались трауромъ,—рыданія раздавались подъ сводами Дворца. Гробъ Императора окружали теперь Его безутѣшная Супруга, плачущіе Дѣти и Внуки, глубоко тронутые воины и слуги. Общественная горесть была на площади, но здѣсь была горесть близкихъ—родная,—болѣе острая и жгучая. Скоро въ толпѣ заговорили, что въ ту минуту, когда поднимали священный гробъ, Августѣйшая Вдова, побѣжденная печалью, лишилась чувствъ, и ИМПЕРАТОРЪ, бывшій въ эту минуту лишь нѣжнымъ и скорбящимъ Сыномъ, отнесъ Ее на рукахъ въ отдаленные покои...

Между тѣмъ кортежъ изготовился и началъ свое шествіе... Печальная колесница тронулась. . И въ эту минуту весь народъ, движеніемъ быстрымъ, какъ мысль, единодушнымъ и невольнымъ, обнажилъ головы и упалъ на колѣни!..

Тщетно старался бы я возвысить здѣсь мой слогъ до величія описываемаго мною предмета. Да позволятъ же мнѣ просто передать то, что

я видѣлъ и какъ я видѣлъ выразить то, что я чувствовалъ.

Вотъ оно, послѣднее шествіе Великаго Императора — изъ Зимняго Дворца въ Петропавловскую крѣпость. Навсегда покинулъ Онъ это жилище, гдѣ сердце Его испытало всѣ волненія, неразлучныя съ Престоломъ, всѣ виды семейной любви, всѣ радости Отца, всѣ надежды Монарха; гдѣ зрѣли Его думы, гдѣ Онъ повелѣвалъ и исполнялъ; откуда воля Его изъ конца въ конецъ двигала обширную Имперію. Изъ этого жилища, въ которомъ запечатлѣлись слѣды жизни, любви и духа Русскихъ ГОСУДАРЕЙ, переселяется Онъ въ другую молчаливую обитель, гдѣ священные остатки Его обрѣтутъ торжественный покой въ ряду Державныхъ Предковъ, почіющихъ въ Своихъ гробницахъ. Еще могила—еще звѣно въ фундаментѣ наслѣдственнаго Престола Россіи—этого надежнаго ручательства въ развитіи и славѣ обширной Имперіи.

Но какъ ни коротко кажется это послѣднее шествіе, для насъ оно велико, какъ сама жизнь Покойнаго,—эта обильная дѣяніями и плодотворная жизнь. И въ самомъ дѣлѣ, есть ли на всемъ пространствѣ отъ Дворца до Царской могилы хотя одно мѣсто, которое бы не могло напомнить о полезномъ или доблестномъ

дѣяніи Великаго Императора?.. Но мнѣ бы хотѣлось вызвать только одно воспоминаніе, блестящее и радостное... Мы помнимъ счастливый день, когда кортежъ другаго рода проходилъ чрезъ ту же Адмиралтейскую площадь въ Зимній Дворецъ, мимо такой же огромной толпы, какъ и сегодня, но тогда исполненной радости. Звуки колоколовъ, какъ и теперь, потрясали воздухъ, но то были звуки торжественные, праздничные... Прекрасенъ былъ этотъ день, когда Императоръ и Его Августѣйшій Наслѣдникъ спѣшили на встрѣчу Высокой Невѣсты, сіяющаго юностію и красотою Цесаревича. Русскій Дворъ явился при этомъ торжественномъ случаѣ во всемъ своемъ царственномъ великолѣпіи. Какіе ослѣпительно-роскошные экипажи, какіе блестящіе всадники! Всѣ мундиры, всѣ гербы Имперіи блистали на этомъ самомъ солнцѣ, освѣщающемъ теперь печальную колесницу и гробъ Великаго Монарха, Которому Богъ даровалъ въ тотъ радостный день надежду, сбывшуюся впослѣдствіи и безъ сомнѣнія усладившую Его послѣднія минуты. Въ этотъ торжественный день Императоръ Николай, въ кавалергардскомъ мундирѣ и съ шпагою на рукѣ, скакалъ на прекрасномъ конѣ у дверецъ кареты Августѣйшей Невѣсты. Величественный, Онъ былъ полонъ

внутренней радости, которая ярко отражалась на Его царственномъ челѣ. Впереди неслись Черкесы въ своихъ стальныхъ кольчугахъ, какъ у древнихъ рыцарей, въ голубыхъ чекменяхъ, съ вороневыми саблями, съ кинжалами богатоукрашенными. За ними блестящіе Кавалергарды съ вензелемъ ихъ возлюбленнаго шефа—Императрицы Александры, храбрые казаки, гордые своимъ Атаманомъ—Наслѣдникомъ Имперіи; Генералъ-Адъютанты и первые сановники Двора въ ихъ золотомъ шитыхъ мундирахъ. ИМПЕРАТОРСКОЕ знамя радостно развивалось въ воздухѣ. Одна за другою слѣдовали парадныя кареты съ позолоченными украшеніями. Впереди ихъ шли скороходы, за ними слѣдовали шталмейстеры. И всюду балконы и окна были обвѣшаны яркими тканями, и народъ бѣжалъ за пышнымъ поѣздомъ по улицамъ, усыпаннымъ цвѣтами и громкое, симпатическое «ура!» раздавалось на пути ИМПЕРАТОРА, ИМПЕРАТРИЦЫ и Августѣйшихъ Обрученныхъ...

Не безъ основанія вспоминаю я объ этомъ блестящемъ торжествѣ въ виду печальнаго торжества, совершающагося сегодня. Безъ сомнѣнія, оно представляетъ тягостную противоположность съ этимъ печальнымъ шествіемъ, со знаменами обвитыми крепомъ, съ опущеннымъ

внизъ оружіемъ, глухими звуками барабановъ, унылымъ и смущеннымъ видомъ этой толпы при появленіи печальной колесницы.. Но изъ этого торжества смерти исходитъ какое-то утѣшительное чувство, утоляющее горесть... То мысль, что это торжество—торжество жизни, доблестно посвященной долгу, торжество славно заслуженнаго имени великаго человѣка, которому и враги Его,—а развѣ великій человѣкъ можетъ не имѣть ихъ?—которому даже враги его принуждены отдать справедливость; торжество Христіанина, мужа правды, который доказалъ примѣнимость этихъ словъ Французскаго Короля, что «если правда и праводушіе будутъ изгнаны съ земли, то они найдутъ себѣ убѣжище въ сердцахъ Государей.» Наконецъ, это день, когда изъ-за безмѣрной скорби показывается радостный образъ потомства, покрывающаго лучами безсмертія славную память Великаго Государя, отшедшаго нынѣ въ вѣчность.

Печальное шествіе повсюду необходимо вызываетъ воспоминанія. Оно напоминаетъ самыя лучшія страницы изъ жизни Великаго Императора; въ немъ видна высшая слава человѣка, увѣнчанная вѣчною славою, которая ожидала Его у порога могилы. Конечно, здѣсь не мѣсто, да и не мнѣ останавливаться на этой безцѣн-

ной жизни, въ которой отразилась жизнь Государей, всюду возбуждающихъ въ себѣ симпатическое удивленіе, Государей, наиболѣе любимыхъ народами, простые нравы и высокія чувства которыхъ они бережно хранятъ въ своихъ преданіяхъ.—Да позволено мнѣ будетъ указать здѣсь на добраго и великодушнаго Генриха IV. Кому не извѣстна эта черта изъ его жизни, когда Испанскій Посланникъ нечаянно засталъ его играющимъ съ сыновьями, которыхъ онъ возилъ на спинѣ вокругъ стола. Король повернулъ голову къ Посланнику и, не измѣняя своего положенія, спросилъ его: «вы отецъ, г. Посланникъ?» —Да, В. В-во, я имѣю дѣтей.—«Въ такомъ случаѣ я продолжаю,» сказалъ Король,—и докончилъ свою прогулку на четвереинькахъ вокругъ стола.—Сколько же разъ иностранные Посланники могли бы застать Императора Николая играющаго, какъ побѣдитель при Иври, со Своими Внуками на коврахъ Дворца! Простота Его привычекъ доходила до суровости: Онъ имѣлъ скромный кабинетъ, маленькую спальню съ узскою кроватью, на который обыкновенно укрывался Своею военною шинелью. Лица, имѣвшія честь поклониться Его священнымъ останкамъ вскорѣ послѣ кончины, видѣли Императора лежавшимъ на этомъ спартанскомъ ложѣ. На неостывшемъ

еще тѣлѣ была наброшена Его шинель—Его обычный нарядъ и единственная роскошь.

Но сегодня все, что могло выказать въ полномъ блескѣ величіе Императора, окружаетъ Августѣйшаго Усопшаго. Какъ описать этотъ пышный траурный поѣздъ, исчислить великолѣпныя принадлежности Царскихъ похоронъ, изобразить шествіе печальной процессіи, тѣ сожалѣнія и слезы, которыя ее сопровождали?

Печальный звонъ колоколовъ не перестаетъ оглушать воздухъ... На улицахъ тѣсною толпою стекается любопытный, но скромный и грустный народъ: кортежъ началъ свое медленное и мѣрное шествіе; — онъ развивается. Впереди его ѣдетъ верхомъ Церемоніймейстеръ и даетъ направленіе шествію. Проходятъ хоры музыки, эскадроны кавалеріи, роты гвардіи, конюшенные, офицеры, придворные лакеи, скороходы камеръ-лакеи, пажи съ ихъ офицерами. Это первое отдѣленіе кортежа. Слѣдующее за нимъ, какъ и всѣ остальныя, открывается особымъ Церемоніймейстеромъ. Вотъ знамя ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамиліи и военное. Эти знамена опущены, эта лошадь подъ богатою попоною, ведомая двумя Штабъ-Офицерами, безпокойно бьетъ ногою въ землю и, кажется, спрашиваетъ, почему не несетъ она на себѣ сегодня своего обычнаго Всадника? За нею слѣ-

дуютъ гербовыя знамена областей, составляющихъ обширную Русскую Имперію: Ростовское знамя, Казанское, Астраханское, Новгородское, Московское. Я насчиталъ ихъ болѣе 40. Потомъ проходятъ другія знамена — вотъ черное знамя съ Русскимъ Государственнымъ гербомъ и за нимъ лошадь, покрытая чернымъ сукномъ, ведомая двумя чиновниками. Вотъ рыцарь въ золотыхъ латахъ, съ обнаженнымъ мечемъ, верхомъ на лошади, покрытой роскошнымъ чепракомъ; за нимъ пѣшій латникъ въ черныхъ латахъ, съ обнаженнымъ мечемъ, опущеннымъ внизъ. Сколько трогательнаго въ этой аллегоріи: кто не узнаетъ въ ней жизни и смерти, радости и горя, торжества и печали.—Далѣе несутъ гербы: Сибирскій, Финляндскій, Польскій, Астраханскій, Казанскій, Новгородскій, Владимірскій, Кіевскій и Московскій; потомъ Государственный большой гербъ, предшествуемый и несомый Генералъ-Маіорами, при ассистентахъ изъ Штабъ-Офицеровъ. Далѣе слѣдуютъ всѣ Государственныя сословія, представляемыя ихъ депутатами; Цѣхи общества, Правительственныя мѣста, Учебныя заведенія, Министерства, Сенатъ, Государственный Совѣтъ.

Кортежъ продолжаетъ шествіе. Мимо насъ проходятъ два взвода Кавалергардскаго Ея Величества полка въ золотыхъ каскахъ. Вотъ

иностранные Ордена Императора, несенные на золотыхъ глазетовыхъ подушкахъ. Ихъ 34, и между ними я замѣтилъ Французскій орденъ Св. Духа, учрежденный при законныхъ Короляхъ Франціи. Вотъ Ордена Русскіе, Короны Царствъ и Областей, присоединенныхъ къ Россіи: Царства Казанскаго, сквозная, въ восточномъ вкусѣ и усыпанная драгоцѣнными камнями; Астраханская съ огромнымъ изумрудомъ на верху и множествомъ алмазовъ, жемчуга и яхонтовъ; Сибирская изъ золотой парчи и также богато украшенная драгоцѣнными камнями, и другія. За ними слѣдуютъ Государственныя регаліи: Держава, Скипетръ и ИМПЕРАТОРСКАЯ Корона. Всѣ эти знаки и символы предшествуютъ печальной колесницѣ, представляя величіе Россіи и высокое достоинство ея ИМПЕРАТОРА.

Вотъ торжественное шествіе Духовной процессіи: Пѣвчіе, Дьяконы и Протодьяконы, Священники, Архимандриты, Архіереи и Преосвященный Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, Придворные пѣвчіе, Придворные Протодьяконы, Священники съ Св. иконами и за ними духовникъ Покойнаго Государя. За духовною процессіею слѣдуетъ печальная колесница, обитая серебряною парчею съ высокимъ балдахиномъ изъ той же матеріи. Ши-

рокій гробовой покровъ — изъ золотой парчи; онъ весь усѣянъ Русскими орлами и по краямъ обшитъ горностаемъ. Четыре Генералъ-Адъютанта окружаютъ гробъ, стоя на ступеняхъ печальной колесницы, запряженной восемью лошадьми, подъ богатыми попонами. Генералъ-Адъютанты и Генералъ-Маіоры Свиты Его Величества поддерживаютъ кисти покрова; по обѣ стороны печальной колесницы шестьдесятъ пажей несутъ зажженные факелы, красное, колеблющееся пламя которыхъ бросаетъ чудный отблескъ на печальное шествіе.

За печальною колесницею величественно шествуетъ ИМПЕРАТОРЪ—Сынъ благочестивый и преданный, провождающій гробъ обожаемаго Отца, съ душею, подавленною тягостью удерживаемыхъ рыданій...

Является и проѣзжаетъ рядъ траурныхъ каретъ: нужно ли именовать Членовъ Августѣйшаго Семейства! Проходятъ отряды пѣшей и конной Гвардіи съ крепомъ, развѣвающимся на каскахъ и рукояткахъ сабель...

Кортежъ останавливался предъ всѣми церквами, находившимися на его пути: надъ гробомъ Благочестивѣйшаго Императора совершалась литія и снова начиналось торжественное шествіе при похоронныхъ звукахъ колоколовъ, печальныхъ раскатахъ барабановъ и стеченіи

народа, тѣснившагося на пути процессіи. Прошедъ мимо 1-го Кадетскаго Корпуса, кортежъ перешелъ Неву и, по улицамъ стараго Петербурга, достигнулъ крѣпости и Петропавловскаго собора, подъ сводами котораго почіютъ останки Петра Великаго и упокоится прахъ Его достойнаго преемника, Императора Николая.

Подъ священные своды этого собора вступаетъ теперь Великій Монархъ, чтобы величіемъ Престола облечь величіе могилы. Государь, недавно могущественный, свято чтимый народомъ, обожаемый Супругъ и Отецъ, проситъ Себѣ здѣсь спокойствія, котораго не могли Ему дать обязанности Престола. Онъ Самъ за нѣсколько минутъ до смерти назначилъ мѣсто, которое желалъ занять здѣсь; ибо въ Свой послѣдній часъ, покончивъ съ дѣлами міра, Онъ до малѣйшихъ подробностей, съ яснымъ спокойствіемъ, отдалъ всѣ приказанія касательно Своего погребенія.

Вскорѣ народъ былъ допущенъ въ соборъ въ послѣдній разъ поклониться Своему Императору, облобызать Его оледенѣлую руку и помолиться надъ Его гробомъ. Никогда я не видѣлъ зрѣлища величественнѣе этого гроба въ древнемъ храмѣ, гдѣ, казалось, блуждали державныя тѣни, на время оставившія Свои мо-

гилы, чтобы привѣтствовать новую вѣнчанную тѣнь...

Подъ балдахиномъ изъ серебряной парчи, верхъ котораго доходитъ до самаго свода, покоится гробъ Императора Николая на возвышеніи изъ нѣсколькихъ ступеней. Голова Монарха открыта, и не надобно видѣть Императорской Короны, лежащей у священнаго изголовья, чтобы узнать Государя и Императора. При видѣ этихъ неодушевленныхъ останковъ невольно приходитъ мысль, что, нѣсколько дней назадъ, Великій Государь былъ полонъ жизни и силы, и слезы льются изъ глазъ, печаль надрываетъ сердце... Какъ ни хотѣлось бы укрѣпиться мыслію о Божественномъ промыслѣ, Которому угодно было этой преждевременной кончиной освятить славу Великаго Государя, душа побѣждается горемъ... Но заплативъ свою дань слезамъ, сердце укрѣпляется мало-по-малу и оживаетъ утѣшительною мыслею, что эта общественная печаль и слезы по смерти Императора Николая выражаютъ не что иное, какъ счастливый союзъ Государя съ подданными, взаимную любовь къ общему долгу и общему Отечеству.

НОЧЬ У ГРОБА

ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО, БЛАЖЕННЫЯ И ВѢЧНЫЯ ПАМЯТИ

ГОСУДАРЯ

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

...Панихида окончилась, Божественное пѣснопѣніе «со Святыми упокой!» и «вѣчная память» раздавались еще въ сердцахъ тронутыхъ слушателей; ѳиміамъ возносился густыми облаками къ величественнымъ сводамъ храма.

Юный воцарившійся Монархъ, облобызавъ священный прахъ приснопамятнаго Родителя, едва оставилъ церковь въ сопровожденіи Двора и многочисленной Свиты, и народъ уже толпился густыми, безпрестанно прибывающими массами на Невѣ, у воротъ, на площади у дверей храма—вездѣ, тихо и съ благоговѣніемъ ожидая минуты, когда и онъ удостоится преклонить колѣно предъ прахомъ опочившаго Отца и Государя.

*

Наконецъ двери отворились. Тысячи усердствующихъ стали подходить ко гробу; но таинственное, величественное молчаніе, царствующее вокругъ катафалка, прерывалось лишь мѣрнымъ чтеніемъ Святаго Евангелія и сдержанными рыданіями вѣрноподданныхъ Преставившагося. По выраженію торжественной, глубокой грусти, написанной на лицѣ преклонявшихся, можно было судить, какими искренними чуствами любви и вѣчной признательности исполнено было сердце каждаго.

Ночь—неисчислимая частица вѣчности, начавшейся для праведно Опочившаго, протекала съ медленнымъ величіемъ.

Возвышеніе, на которомъ покоились смертные остатки Великаго Монарха, сіяло яркимъ освѣщеніемъ; здѣсь скипетръ и держава, корона и порфира, — здѣсь все свидѣтельствовало еще о земномъ величіи; но тамъ, внѣ сіяющаго круга, въ отдаленіи, въ мерцающей мглѣ, зіяла свѣжая могила. Могила! горсть земли!! ужели для Того, для славы Коего границъ вселенной мало?! Да! здѣсь почіетъ прахъ Его, но память прославившаго Свой народъ останется во вѣкъ несокрушима.

Могила, уготовленная принять священный прахъ Незабвеннаго, расположена насупротивъ могилы Петра Великаго. — По одну сторону

храма могила Великаго Преобразователя, разсѣявшаго мракъ необразованія древней Россіи, по другую могила Великаго Монарха, возведшаго ее на высочайшую степень славы и благоденствія.

До той минуты, пока Петръ Великій не озарилъ ее свѣтомъ просвѣщенія, Россія, заключая въ нѣдрахъ своихъ неистощимые источники могущества, крѣпости и богатства, не видала своихъ силъ, какъ будто дремала подъ тѣнью невѣжества, и казалась исполиномъ страшнымъ, но безпечнымъ: самые мелкіе враги тревожили ее, оскорбляли, грабили; старались продлить ея сонъ, предчувствуя, что пробужденіе ея будетъ ужасно. Наконецъ она воспрянула—явился Петръ (*).

Съ тѣхъ поръ, на ясномъ ея горизонтѣ свѣтило смѣнялось свѣтиломъ, и нынѣ, склонясь въ вѣчность, лучезарный образъ Николая Незабвеннаго, достославнаго Преемника Петра Великаго, освѣщаетъ еще скорбящую Россію.

Когда плевела лжи и раздоровъ престанутъ опутывать Западную Европу, истина восторжествуетъ. и тѣ мыслители, которые нынѣ отуманены злобою и завистью, прозрятъ и по-

---

(*) Исторія Устрялова, томъ II, стр. 17.

спѣшатъ отдать торжественную справедливость памяти оплакиваемаго нами Монарха. Братскій Христіанскій союзъ народовъ—не тщетная надежда; возвышенныя чувства для всѣхъ одинаковы, и скорбь сближаетъ сердца благородныя. Спустя столѣтіе послѣ смерти другаго, также Великаго Монарха, однажды восторженный ораторъ Западной Церкви произнесъ слѣдующее Слово:

«Говорятъ, что въ одной изъ отдаленнѣйшихъ сѣверныхъ странъ могущественный Монархъ покинулъ однажды чертоги Своихъ предковъ, сложилъ съ Себя багряницу и удалился въ страшныя пустынныя мѣста, удрученный глубокою думою о будущихъ судьбахъ ввѣреннаго Ему народа. Среди непроходимыхъ лѣсовъ и вредныхъ болотъ Онъ пребывалъ долгое время, укрывая главу Свою подъ утлою соломенною кровлею, и довольствуясь скудною пищею простаго поселянина.

«Извѣдавъ страну, предназначенную Имъ блистательнѣйшей участи, Онъ оставилъ родину, проникнулъ въ край чужой, подъ скромною одеждою простолюдина и вооруживъ Царственную Свою руку сѣкирою, работалъ на корабельныхъ верфяхъ, прошелъ чрезъ всю степень работника, подмастерья и въ потѣ Вѣнценоснаго чела достигъ званія мастера. Что было

цѣлью и двигателемъ столь упорныхъ и возвышенныхъ усилій? Онъ желалъ разсѣять мракъ, тяготѣвшій надъ ввѣренымъ Ему народомъ; Онъ хотѣлъ избавить его отъ растлѣнія невѣжества и воскресить въ немъ жизнь просвѣщенія.

«Любилъ ли Свой народъ самоотверженецъ-Монархъ? Братья! я отгадываю вашъ отвѣтъ!

«Я чувствую трепетъ восторга, пробѣгающій по сердцамъ вашимъ! Но подвигъ Сѣвернаго Монарха еще не конченъ. Слушайте.

«Помощію усиленнаго труда пріобрѣтя познанія, кои Онъ желалъ передать Своему народу, Царь вернулся на родину и снова сталъ въ ряды тружениковъ, обучая пахаря, поощряя промышленника, напутствуя совѣтами зодчаго. Наконецъ Онъ вернулся въ чертоги Праотцевъ, опоясался мечемъ, на рамена возложилъ багряницу и съ высоты престола излилъ на Свой народъ обильныя сокровища науки и познаній, столь рачительно Имъ пріобрѣтенныя. Сею славою сіяющій Монархъ, любилъ ли Свой народъ? скажите!»

И нынѣ оплакиваемый нами чадолюбивый Монархъ, достославный преемникъ праотцовскаго самоотверженія, пріобрѣлъ въ потѣ вѣнценоснаго чела, вѣрную признательность Своего народа. Денно и нощно, неутомимо и всечасно

трудился Онъ тридцать лѣтъ для благоденствія Россіи; съ родительскою попечительностію заботился Онъ о нуждахъ каждаго изъ Своихъ подданныхъ; съ полнымъ сознаніемъ собственнаго могущества Онъ увлекалъ народъ Свой на путь славы и, если, взывая къ Россіи, спросить: любилъ ли почившій Государь Своихъ подданныхъ? вся Россія сольется въ одинъ восторженный, благодарственный, утвердительный кликъ!!

Злоба и зависть, исчадія страстей людскихъ, осуждаютъ Его въ честолюбіи. Да, честолюбіе Его было велико! Онъ желалъ овладѣть любовію Россіи, поставивъ ее на высшую степень славы и благоденствія. Послѣднія слова Его къ храброму нашему воинству, къ защитникамъ Вѣры, Престола и Отечества, громко свидѣтельствуютъ о возвышенномъ честолюбіи, наполнявшемъ великую Его душу: «Я ихъ любилъ, какъ собственныхъ дѣтей,» сказалъ Великій Монархъ, отходя въ вѣчность, и готовясь «предстать Престолу Всевышняго: старался, «какъ могъ, улучшить ихъ состояніе; ежели не «во всемъ успѣлъ, то не отъ недостатка же«ланія, но отъ того, что: или лучшаго не «умѣлъ «придумать, или не могъ болѣе «сдѣлать.»

Отеческія, трогательныя слова, запечатлѣнныя навѣки въ сердце каждаго Русскаго!

И до послѣдней минуты Своей жизни попеченія и заботы о Россіи наполняли великую Его душу. «Я умираю!» произнесъ Онъ въ роковую минуту: «пусть узнаютъ вѣрноподданные Мои, что Я благословилъ ихъ и простился съ ними заочно.» Узнали мы, о Отецъ нашъ «незабвенный! И если бы вопль цѣлаго народа могъ достигнуть въ горняя, то тамъ, у Престола Всевышняго, народолюбивая душа Твоя содрогнулась бы изъ участія къ осиротѣвшимъ!!

Настанетъ время, когда безпристрастная лѣтопись впишетъ въ скрижали всѣ дѣянія протекшаго Царствованія и, можетъ быть, лѣтописецъ, желая очертить личность Великаго, скажетъ: Онъ соединялъ въ Себѣ блескъ и твердость чистѣйшаго алмаза; постоянно ослѣпляя блескомъ Своего величія, Онъ порою сокрушалъ препятствія, заграждавшія Ему путь восхожденія; но душа Его преисполнена была нѣжнѣйшаго и пламеннѣйшаго чувства любви къ народу, Ему ввѣренному. Онъ умѣлъ карать недостойныхъ и возбуждалъ восторженныя чувства любви и привязанности въ вѣрноподданническихъ сердцахъ. Правдивый и вѣрный высокому Своему слову, Онъ свято хранилъ обѣщанное и не навидѣлъ ложь и притворство. Долгъ строгій долгъ былъ для Него законъ, Отечество — алтарь!

Августѣйшій Его Преемникъ въ порывѣ сыновней любви, наименовалъ Его незабвеннымъ; народъ принялъ съ благоговѣніемъ слово Державнаго Сына, присовокупивъ отъ Себя наименованіе Правдиваго; потомство назоветъ Его Безсмертнымъ, ибо дѣянія Его прейдутъ изъ рода въ родъ!

Покойся на лонѣ вѣчности, Незабвенный Великій Монархъ! любовь вѣрнаго, отцелюбиваго Твоего народа осѣняетъ священную Твою могилу!!

КОНЕЦЪ.

Августѣйшій Его [illegible] въ твердой сы-новней любви, и надеждѣ ко Его неизмѣнной, щедрой [illegible] Всевыш-няго Бога, [illegible] ожи-данія. [illegible] Его [illegible] Его [illegible]

[illegible]

[illegible]

